

Интерпретируя древние статуэтки: от «универсалистских» интерпретаций к искусствоведческому подходу

(*Lesure R. G. Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 256 p.*)

Последние два десятилетия отмечены значительным ростом интереса к изучению раннеземледельческой пластики. Во многом это связано со сменой исследовательских поколений: после смерти М. Гимбутас в 1994 г. наступил конец доминированию мифа о Великой Богине, на основе реконструкций которого в большинстве своем строились интерпретации древних статуэток. После резкой критики подобного мифотворчества (см.: Meskell 1995, 1998) в начале XXI в. в области изучения пластики стали активно вырабатываться различные новые подходы, обозначенные в целой серии фундаментальных исследований (см., например: Bailey 2005; Hansen 2007 и др.). Одной из работ, посвященных древней мелкой пластике, стала и монография Ричарда Лижера «Интерпретируя древние статуэтки: контекст, сравнение и первобытное искусство».

Эта книга стала развитием авторской статьи, увидевшей свет еще в 2002 г. (Lesure 2002). Критический тон статьи был задан дискуссией с постулатами «универсалистских» объяснений пластики, исходящих из тезиса о первичности культа «изначальной» Великой Богини, обязательной связи глиняной пластики с началом земледелия и их едином, универсальном значении в различных культурах. Та же дискуссия, но в более развернутом виде, продолжена и в рассматриваемой монографии.

По мнению автора, все «универсалистские» интерпретации мелкой пластики доисторических культур восходят к постулатам, сложившимся в XIX — начале XX в. Корни их, пожалуй, все-таки глубже — в идеях эпохи Просвещения, когда сложилось представление об универсальных законах, управляющих развитием человечества (Кожин 2012: 8; см. также: Эванс-Причард 2003). Отсюда берут истоки и представления о стадийном развитии человеческой культуры, которые, в конечном счете, послужили основой для того, чтобы появление мелкой глиняной антропоморфной пластики стали устойчиво ассоциировать с распространением земледелия, постулируя при этом и сходное значение статуэток. В западной археологии и антропологии эти тезисы наиболее последовательно отстаивала М. Гимбутас, авторитет которой способствовал их превращению в предмет веры, не подвергавшийся сомнениям. В СССР в 1960–1980-е годы таким же успехом пользовались аналогичные работы академика Б. А. Рыбакова (не из его ли трудов прекрасно владевшая русским языком Гимбутас позаимствовала ряд своих идей?).

Глобальным «универсалистским» идеям противостоит подход, основанный на объяснениях пластики, исходящих из конкретного контекста. Но возможна ли выработка общих принципов, на основании которых можно было бы анализировать объемный и разнообразный материал? Можно ли проследить общие закономерности в его развитии? Можно ли сравнить массивы мелкой пластики, происходящие из контекстов различных эпох и регионов?

Позиция автора здесь двойственна: в целом критикуя логику универсализма он, тем не менее, оставляет возможности для выявления общих закономерностей и особенностей. Путь здесь Р. Лижер видит в не столько в сопоставлении самих фигурок или факта их наличия, сколько в соотношении соответствующих археологических и социальных контекстов, в которых пластика обнаруживается и функционирует.

Из возможности сравнения вытекает необходимость выработки общего алгоритма для сравнительного анализа пластики. Выстраивая направления исследования, Р. Лижер делает очень важный и, на мой взгляд, необходимый для дальнейшей полноценной интерпретации древней пластики шаг: он обращается к разработкам, сделанным в области искусствоведения, в частности, к работам Э. Панофского, Г. Кублера, Т. Дж. Кларка (обзор методов, разработанных в западном искусствознании, см.: Hatt, Klonk 2006). Рассмотрение ранней пластики как произведений искусства — именно то, чего на мой взгляд, не хватает тем авторам, которые относятся к объектам своего исследования исключительно как к предметам культуры. Широкая трактовка искусства как обобщенного видения мира и его визуализации позволяет действительно по-новому взглянуть на результаты творчества носителей «первобытных» культур.

Методологическая основа для анализа пластики сформирована Р. Лижером в рамках трех направлений: иконографии фигурок и рассмотрения их как «окна-в-социум», изучения их функций и символики, синхронных характеристик и диахронного развития стиля (Lesure 2002: 64–66, fig. 22). Результаты такого комплексного анализа, по мнению автора, вполне можно использовать в сопоставлении больших массивов разнородного и разновременного материала.

Для такого сравнения автором выбраны серии фигурок европейского палеолита, формативного периода Мезоамерики, докерамического неолита Ближнего Востока. Последующая часть работы посвящена подробным характеристикам формально-стилистических особенностей антропоморфной пластики и обсуждению целого ряда проблем: функций и места в социальной практике в ключе критики тезисов об обязательной связи агрикультуры с гинекоморфностью статуэток, предположений о происхождении форм пластики из единых центров, а также мнения, что женские фигурки обязательно должны изображать Великую Богиню.

Разрабатывая методические принципы, автор монографии, как мне кажется, недоучел ряд важных моментов. Один из них — технологический, предполагающий рассмотрение статуэток в контексте технологического уровня и традиций тех культур, в рамках которых они изготавливались. Проведение аналогий между удаленными регионами и культурами по наличию либо отсутствию глиняной пластики поэтому уже изначально неправомерно. Ведь изготовление фигурок из глины характерно для культур, где производство керамики является устойчивой традицией и где оно не эпизодическое и по необходимости, как правило, с очень немногочисленным набором форм сосудов, а представлено значительным разнообразием посуды различных форм и сопровождается широким использованием глины в домостроительстве и при изготовлении предметов домашнего обихода (печи, тандыры, подставки, лежанки, стационарные емкости-хранилища и т. д.). С ареалом этих культур, в конечном счете, и совпадает обозначенное Р. Лижером «гало» распространения статуэток в Старом

Свете (р. 19, fig. 4). Что же, вне его пределов, кроме выглядящего изолированно ареала японского дзёмона, отсутствует мелкая пластика? Отнюдь: богатые коллекции деревянных антропоморфных и зооморфных статуэток происходят из торфяников лесной зоны Восточной Европы, здесь же много и костяных фигурок, есть и предметы пластики, изготовленные из кремня. Так что ясно, что дерево здесь использовалось вместо глины, но сохранилось оно в исключительно редких случаях. Вне очерченного района присутствуют и глиняные статуэтки, целый ряд которых обнаружен в столь далеком от Ближнего Востока и Балкан регионе — в Северной Европе (Nunes 1986).

Очевидно, что если учесть такие моменты, то пластику нужно рассматривать как выразительную форму, варьирующую в зависимости от возможностей, способностей, навыков и традиций ее изготовителей. В то же время, и содержание — образы, воплощенные через мелкую пластику, будут тоже разнообразными. И через прямое сравнение постичь их значение практически невозможно. Уже одно это снимает необходимость противопоставления «универсализма» и «контекстуализма».

Это же касается и темы «женскости» (“femaleness”) статуэток: дискуссии на эту тему, к которой постоянно возвращается Р. Лижер, должен предшествовать детальный иконографический анализ материала не на «макроуровне», а на уровне комплексов, обнаруженных на конкретных памятниках и в пределах их локально-хронологических групп. Иначе мы легко можем считать женскими фигурки без выраженных признаков пола или мужские. Тогда возникает вопрос о том, должна ли вообще эта тема становиться предметом дебатов, если не проведена основная работа с эмпирическим материалом?

Похоже, что усилия автора во многом тратятся напрасно: дебаты остаются в рамках особенностей американского научного сообщества, где долгое время сильные позиции занимала М. Гимбутас. После смены научной парадигмы есть более актуальные и важные вопросы, чем доказательство возможности сравнения пластики на макроуровне. Эти вопросы касаются интерпретации конкретных предметов и их наборов, созданных в рамках конкретных культурных традиций конкретными людьми и их коллективами. И здесь предложенное Р. Лижером обращение к арсеналу методов, выработанных искусствоведением, приходится как раз кстати.

Литература

- Bailey D. W.* 2005. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. London: Routledge.
- Hansen S.* 2007. Bilder vom Menschen der Steinzeit: Untersuchungen zur antropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. Mainz: Philipp von Zabern.
- Hatt M., Klonk Ch.* 2006. Art History: A Critical Introduction to Its Methods. Manchester: Manchester University Press.
- Lesure R. G.* 2002. The Goddess Diffracted. Thinking About the Figurines of Early Villages // *CAn* 43, 587–610.
- Meskel L.* 1995. Goddesses, Gimbutas, and “New Age” Archaeology // *Antiquity* 69, 74–86.

- Meskill L.* 1998. Oh my goddess! Archaeology, sexuality and ecofeminism // AD 5, 126–142.
- Nunez M. G.* 1986. Clay figurines from the Åland Islands and Mainland Finland // FA 3, 17–34.
- Кожин П. М.* 2012. Предисловие // Палагута И. В. Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.). СПб.: Алетейя, 5–12.
- Эванс-Причард Э.* 2003. История антропологической мысли. Пер. с англ. М.: Восточная литература.